

A photograph of a man and a young girl standing by a window. The man is on the left, wearing a dark grey button-down shirt, looking out the window with a serious expression. The girl is in the foreground, wearing an orange patterned dress, looking towards the camera with a neutral expression. The window behind them shows a view of buildings and greenery. Several potted plants are visible on the windowsill to the right.

Эмилия Зоринова
Затмение
душ

Эмилия Зоринова

Затмение душ

<https://litres.ru/73394193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Светловолосая, худенькая девочка Томочка переезжает со своей семьёй в долгожданную новую квартиру с надеждой на счастливое будущее.

Страну, разорванную на части сменой политического режима, наводнили бандитские группировки. События, происходящие в отдельных семьях и в маленьком городке - отражают всю суть характеров разных людей и жизненных перемен. Работник правоохранительной системы капитан Михаил Корчагин противостоит бандитской группировке. Эмоциональная девочка, подавленная происходящими событиями и трагедией своей семьи оказывается в психиатрической больнице. Какой путь пройдёт девочка Тома... Кто сможет остаться человеком и не потерять свет своей души.. Погрузитесь во внутренний мир героев. Пройдите с ними их дорогой побед, падений, любви, ненависти, страха и всепрощения.

Эмилия Зоринова

Затмение душ

Предисловие.

Я долго созревала и наконец решила написать эту книгу. Первую и возможно последнюю. Может быть я её даже не издам.

Книга о судьбах детей и взрослых, о том что творится в некоторых семьях за закрытыми дверями. Да даже не в некоторых – во многих. Мой посыл таков – думайте о своих детях, любите их, берегите, слушайте. Интересуйтесь их жизнью. Живите достойно, что бы на закате своих судеб не пришлось сожалеть о содеянном, о своей жизни и поломанных жизнях самых близких вам людей. Не ко всем приходит осознание о содеянном даже на этом самом закате.

Почему Затмение душ? Потому, что даже добрые, чистые, светлые души в окружении зла, становятся тёмными. Семена горя, что возрастут карманным кошмаром, не должны быть посеяны в светлых сердцах. Зло порождает зло. Ненависть порождает ненависть. И за болью заплатят болью. Может быть есть души, которые не темнеют, по прежнему несут свет и добро. Но они всё равно покалечены. Души – инвалиды.

Они не знают, как идти по жизни. Карабкаются и стараются не упасть – словно лягушки в кипятке. Не каждому читателю придется по нраву эта книга. Ибо не всем может понравиться то, что происходит в жизни на самом деле без лишних прикрас. Но светлые моменты в жизни есть, даже у здешних персонажей. Некоторые из них прототипы реальных людей, некоторые являются собирательным образом. Ситуации, которые описаны – являются событиями, о которых я слышала и которые видела сама. Имена изменены, места событий не указаны. Есть те, кто узнает себя, несмотря на вышесказанное. Те, кто скажет – «Это все грязь и ложь – ничтожная выдумка. Такого не могло быть!» У каждого есть своя сторона и своя правда – лишь ничемное оправдание своих жестоких поступков.

Оправдать себя любым способом всегда удобнее, нежели признать ужасы содеянного.

Глава 1

Все дети рождаются безгрешными...

Грешными их делают взрослые...

Не видят их. Не слышат. И не пытаются понять.

Томочка

Томочка сидела на скамеечке во дворике своего дома. Не так давно в этом доме их многодетная семья получила квартиру.

Четырёхкомнатную. Долгожданную. Дом был пятиэтажный, кирпичный, со всеми удобствами, что доступно не для каждой семьи, пусть и многодетной. Семья выбивала кровью и потом свое право на жилье. Квартира с балконом, с видом на двор. Для Томочки это был почти дворец.

До этого они жили в небольшом деревянном доме в частном секторе. И то, вернее не в доме, а в небольшой его части. Мама, папа, Томочка, сестра Ирка и маленький братик Женька. В доме была комната пятнадцать квадратных метров, маленькая кухонька, на кухне печка, из-за которой повсюду стояла запах гари, не выветривавшейся из носа. Её топили с осенних холодов и до летнего тепла. И вот Томочка сидит на скамеечке возле своего нового места жительства, щурится на летнем жарком солнышке и смотрит на балкон третьего этажа. Там мама вешает бельё. Каждый балкон,

как один был завешан бельем и заставлен чем-то невероятно «нужным» – тем, что не помещалось в квартирах .

Томочка перевела свой взгляд на окна первого этажа.

Там, на первом этаже, жил её новый сосед Юрка. Мальчику было пятнадцать лет. Томочке четырнадцать. Юрка ей показался, когда он случайно встретился ей в подъезде, очень красивым. Хотя мальчишка был не красивый. Пропахший запахом сигарет и ростом гораздо больше свои сверстников, здоровый, почти как взрослый мужик, вечно лохматый, плохо одетый Юрка водился с местной шпаной, постоянно ошивающейся в округе.

Томочка – очень худенькая, тоненькая, почти прозрачная девочка. Маленького роста, с огромными голубыми глазами в половину лица. Словно сошедшая с картины. Девочка была настолько тоненькая и маленькая, что выглядела гораздо младше своих лет. Когда ей было десять лет, и в их маленький городок приезжал передвижной зоопарк, родители проводили её без билета. Дети до семи лет ходили смотреть животных бесплатно. Вот Томочка со своим ростом и худобой как раз была как будто до семи лет. Но только на вид.

Этим летом ей исполнилось четырнадцать, но похожа она была на десятилетку, застывшую в одном возрасте. Свои светлые волосы цвета пшеницы она заплетала в длинную косу. Одета в красное платье в белый горошек, девочка, си-

дя на скамейке, мечтательно шаркала ножкой по песку, пытаясь нарисовать «носом» белой туфельки какие то замысловатые узоры. Возле скамейки росли вечно неостриженные акация, сирень и шиповник. Девочка сорвала цветок шиповника. Томочка знала, что гадают обычно на ромашках, но ромашек поблизости не было. «Погадаю на этом красивом розовом цветочке» – подумала девочка. Она стала отрывать красивые крупные лепестки и, еле шевеля губами, шептала – «любит, не любит, плюнет, поцелует...» Выходило – плюнет. «Ерунда какая-то, не гадается.» – решила Томочка. «Напишу ему настоящее письмо и положу в почтовый ящик. Тайно, что бы никто не увидел! Если он не догадается, что это я, то ладно. А если догадается? Блин, страшно. Вдруг я ему не нравлюсь.» Томочка переживала, по ребячески, боясь решиться сделать задуманное. Она посидела и пошла в свою квартиру–дворец на третий этаж. Забежав домой и замешкавшись на миг в прихожей со своей обувью, громко сказала:

– Мама, дай ручку и листочек бумажки. Я туфли не буду снимать. Не пойду сама брать в портфеле!

Мама вышла в прихожую из кухни, вытирая мокрые от мытья посуды руки кухонным полотенцем.

– Это еще зачем тебе? – Задала мама риторический вопрос. – Стихи писать что ли? – И по доброму засмеялась.

Мать пошла в одну из четырёх комнат, вынесла тетрадь и ручку. Дома пахло жареной картошкой.

– Томка, иди поешь сначала, пока совсем в воздухе не растворилась. Во худая какая! – Сказала мать.

– Не, ма, потом. – Ответила Томочка и выскочила из квартиры, поскакав по лестничному маршу бегом, вприпрыжку, вниз по ступенькам, на одной ножке. И шептала на каждом прыжке:

– Любит, не любит, плюнет, поцелует...

Глава 2

Юрка

Этот мальчик стал героем этого повествования, хоть и не надолго, потому что он маленькая часть из жизни девочки Томочки. Это один из персонажей из детства девочки. Возможно он не несёт особой смысловой нагрузки, но судьба этого мальчика незавидная. Став взрослым он стал членом

местной ОПГ, украл строительный кран, убив сторожа и исчез бесследно. Кран нашли уже погруженный на железнодорожный состав. Выяснилось, что он был продан кому то за миллион. В то время это были космические деньги. Убит ли был Юрка или куда то сбежал с этими деньгами не известно по сей день.

Юрка выбежал из подъезда, держа в руках конверт с письмом. Ни адреса, ни отправителя. Ничего. Только красивыми печатными буквами – «Лично Юре.»

Утром Юрку разбудил материнский крик. Мать была глухая от рождения, поэтому говорила всегда очень громко и немного коверкая слова. А когда её лупил Юркин отчим, она орала так, что слышно было, наверное, не то что соседям, но и на другой улице, если не на другом конце города. Мать с отчимом опять пили всю ночь, орала и не давали покоя Юрке и соседям. Мальчишка кое-как, с горем пополам, уснул под утро в этом бедламе. А утром родяки начали драться и Юрка проснулся.

« Я убью его скоро, вот стану взрослым, меня возьмут в банду и я убью это чмо.» – думал Юрка и сжимал кулаки, врезаясь ногтями в ладони.

От обиды за свою непутёвую мать и на этого урода – пьяницу, у него наворачивались слёзы и колотила мелкая дрожь.

Юрка соскочил с кровати и рванул из комнаты, с лютой ненавистью в глазах. Одеваться не надо было. Он спал в шортах и футболке. Давно не стиранных, засаленных и, местами, дырявых. Было лето и он спал одетым, что бы в случае опасности смочь убежать из дома. Отчима он боялся и ненавидел. И тот Юрке часто давал тумачков. В этот раз мальчишка выбежал на кухню и, преодолевая страх, заорал:

– Слышь ты, козёл, не трогай мать!

У матери из носа шла кровь и на лбу набухал шишак. Отчим с красной, бешеной рожей, шатаясь, не в силах держать равновесие под тяжестью выпитого алкоголя, навис над ней с поднятым кулаком для очередного удара. Кругом валялись пустые разномастные бутылки от непонятого пойла. На столе пустая банка из под шпрот с окурками и открытая банка кильки в томате. Закуска. Над килькой летали жирные мухи, по шкафам и под потолком ползали рыжие тараканы. Окно на кухню, с заклеенной деревянной рамой, настежь открытое, впускало в пропахшую табаком, перегаром и грязью кухню хоть немного летнего воздуха с улицы. Впрочем, это ни чуть не помогало. Мужик повернулся и надвигаясь на Юрку, прорычал:

– Что ты сказал, щенок!?! Я те ща глаз на жопу натяну!

Мать опять громко завопила нечеловеческим ревом. От-

чим от плеча размахнулся и залепил грязной широкой ладонью Юрке оплеуху. Тот успел немного увернуться, но мерзавец попал ему по уху и его сразу как будто опалило огнём, отбив весь слух. В глазах засверкали мушки.

Однако, мальчишка еще больше разозлился, не растерявшись ни на йоту. Нагнулся и с разбега головой толкнул отворотительного дядьку в его жирный живот.

Отчим пошатнулся, спотыкаясь о бутылки, оперся руками о замызганный подоконник, заплетаясь ногами. И Юрка в этот момент развернулся и бросился бежать что есть сил, лишившись всех чувств и задыхаясь от ярости и обиды, не давая волю слезам. «К черту все это» – проскочила мысль в Юркиной голове.

Из дома доносился истошный крик матери и дикий рык совсем обезумевшего пьяного отчима. Ухо горело и начинало опухать. Юрка, выбежав из подъезда, остановился, немного отдышался и повернулся, двинувшись обратно. Страх был сильным, но страх, что отчим убьёт маму был сильнее. Но, подходя к двери квартиры, мальчишка уже не слышал ора отчима. Похоже, тот ковырнулся, пытаясь оклематься от удара, неудачно наступив на разбросанные помои на кухне и уснул в алкогольном угаре.

В подъезде из их почтового ящика торчал конверт. Юрка вытащил его и у него округлились глаза от удивления. «Лично Юре». Даже ухо будто перестало болеть.

Юрка сел на нижнюю ступеньку лестницы и стал читать, напрягаясь, что есть сил. Ведь читал он совсем неважно. Учился в школе из рук вон плохо. В письме было что то странное выведено красивым ровным почерком.

«Ты снился мне во сне сегодня. Юра, ты очень сильный и красивый мальчик. Я хочу с тобой дружить». И подпись – «Догадайся кто я? Подсказка – Малоознакомая девочка.»

Юрка вышел во двор, сел на скамейку и стал размышлять. Потом засмеялся.

– Ага! Я догадался. Наверное это та странная девчонка с третьего этажа. Новые жильцы. Глаза у неё необычные. Как у пришельца с другой планеты . И маленькая такая. Людка с первого подъезда говорила вроде, что эту чудаковатую малявку перевели к нам в школу. И первого сентября она придёт учиться в их шестой класс. А на вид детсадовка какая-то. Или первоклашка... Совсем мелкая девка. Вон Людка.. ох.. у неё сиськи есть. А эта – какая то шмокодявка.

Прочитав письмо не без труда и немного посидев, Юрка встал со скамейки и пошёл в тайное место, где они собирались с пацанами и девчонками. Курили, или если удавалось стащить кому-то из дома батино пиво, то пили пиво и слушали Сектор Газа. Тайное место – сарай за последним многоэтажным домом. Захламленная заброшенная развалюха с дырами в достчатых стенах и прогнившей гудроновой крышей. Все обустроено по лучшему разряду среди шпаны: сколоченные лавки, пара табуретов с подушками и покрытый тряпками земляной пол – чем не культурное заведение...

Юрка неторопливо шел, шаркая поношенными ботинками по земле и думал –« Ща покажу письмо пацанам, вот поржём то. Отведу душу.» Усмехаясь размышлял он.

Глава 3

Людка

Люда – один из важных персонажей из детства Томочки. Они дружили и после окончания школы и какое то время, когда судьба Тамары сделала крутой поворот. Жизнь Люды сложилась не плохо. Она выучилась на парикмахера и откры-

ла свой салон красоты.

Людка в прихожей перед зеркалом красила губы мамкиной красной помадой. Мамка не заметила, как Людка стащила из косметички эту помаду. В дверь позвонили, загудел противный звонок. Она крикнула,

–Ща!

Посмотрела на себя в зеркало, сделала накрашенными губами «чмок» своему отражению, развернулась и открыла дверь. В подъезде стояли две девчонки. Странные. Одинаковые ростом. И вроде похожи между собой, а вроде и нет. Но у обеих огромные голубые глазища, каких Людка еще не видела – словно крупные переливающиеся сапфиры.

«Никогда не видела таких огромных глаз у людей!» – подумала удивленная Людка.

– Чего вам, малявки? – Спросила она с неким пренебрежением, будто была взрослой строгой теткой.

Малявки почти хором ответили:

– Мы не малявки!

Потом одна с более светлыми волосами сказала.

– Мы хотим дружить. Мы ваши новые соседи из третьего подъезда. Неделю назад переехали в этот дом!

Людка с теми же эмоциями ответила, прищурив взгляд,

– Не буду я с вами дружить. У вас глаза очень большие. – И громко захлопнула перед девочками дверь.

«Инопланетяне какие-то» – подумала Людка и продолжила возить мамкиной помадой по своим губам, любуясь на себя в зеркало. Она была очень красивой девочкой. В четырнадцать лет у неё была почти взрослая фигура. Грудь и бёдра. Она любила одевать короткие джинсовые юбочки и яркие капроновые колготки. И обязательно блузки с глубоким вырезом на груди.

Что бы мальчишки пытались заглянуть и пускали слюни.

– Малышка – ты настоящая звезда! Ты самая красивая девочка. И все мальчишки твои! – Сказала она своему отражению в зеркале. И попыталась принять красивую позу, как видела в журнале мод. Отставив ножку и закинув одну руку за голову, приподняв каштановые кудри своей причёски. У неё были волосы до плеч. Кудряшки обрамляли её миловидное лицо.

– Надо идти гулять. В нашем месте ждут... – Сказала она отражению в зеркале и подмигнула сама себе ярко голубым глазом. Да, глаза у Людки были яркие. Ярко синие. Только не такие большие, как у тех девчонок.

– Какие странные все-таки малявки... – Опустив вновь прищуренный, задумчивый взгляд в пол, прошептала она.

Людка, как и Юра, тоже входила в общество местной шпаны. И сегодня компания собиралась на очередную встречу – так называемый «Сходняк».

Глава 4

Сходняк

Людка постучала условным стуком в дверцу полуразвалившегося сарайчика. Их тайное убежище на окраине улицы за последним многоэтажным домом. Дальше сарайчика была пустошь. Заросшее поле. А ещё дальше кладбище. Людка проскользнула в тайное убежище. На импровизированных скамейках из кирпичей и полусгнивших досок, на старых диванных подушках сидели Мавр, Леший, Крокодил, Бим и Кастет. Мавр – смуглый шустрый пацан. Рожденный от матери– цыганки и выпивающего отца – слесаря с местного завода. Как Мавра звали на самом деле никто не знал, да и не спрашивал. Просто Мавр. Леший потому что фамилия его

Лешенков. Крокодил на самом деле носил имя Гена. Биму дали кликуху из-за чёрного родимого пятна во всю правую щёку. Кто то один раз шутканул — "Белый Бим Чёрное ухо". И Бим стал Бимом. Кастет соответственно Костя. Кастет обнимался с Лидкой. Девочкой с параллельной улицы. Людка её «не переваривала». Потому что Лидка увела у неё того самого Кастета. По середине этой развалины, на большущем старом плюшевом медведе, приволочённом с местной свалки, восседал Юрка. И подобно всаднику подпрыгивал и размахивал каким то письмом в высоко поднятой руке и дико смеялся. И ухо у Юрки было странное, как пельмень , только фиолетовый. Людка засмеялась.

– Юрка, от куда у тебя негритянское ухо?!

Юрка повернулся.

– О, бейба пришла. Людка давай сюды, интересно сейчас будет.

И стал рассказывать, как обнаружил письмо и запинаясь, зачитывать своим друзьям. Людка выхватила это письмо из руки Юрки.

– Да он сам его написал, теперь нам втирает тут.

Кастет загоготал.

– Кто написал? Юрец? А он умеет? Ты посмотри почерк то какой каликракический. Тьфу ты... ка-ли -гра -фи-че-ский. Вот.

Все стали угарно смеяться. Людка осадил пацанов.

– Хватит ржать. Пиво есть и сиги?

Мавр заявил,

– У нас для тебя, куколка, всё есть.

Из за спины достал две бутылки пива и пачку сигарет. Случилось затишье. Все закурили и передавали друг другу по очереди пиво и делали по глотку. Кастет вздохнул ,

– Ооо, кайф.

Кастет – самый старший по возрасту из этой шайки – лейки. Ему было уже 18 лет. Его брат сидел на зоне за разбой и поножовщину. Поэтому Кастет считал себя самым крутым и опытным .

Людка спросила,

– Ну, как думаете, кто написал это письмецо?

Юрка ответил,

– Да малявка, новенькая в моём доме. Неделю назад заехали.

Людка уточнила,

– Какая ещё малявка?

– Ну такая, странная. Мелкая. Глаза у неё такие, как фары. Огромные. Ты же говорила, Людка, что она к вам в класс придёт с начала года.

Девочка сказала,

– Да я знала, что придёт и переехали они. Маман говорила. Но я только сегодня с утра увидела. И их две. И обе с глазами как фары. Вроде не близнецы, может просто сёстры?

– А, это та семейка, где батя в погонах? Две девчонки мелких, младенец мужского пола, мамаша и батя в погонах. По

моему он мент. Гнида.—Изрёк Кастет и брезгливо сплюнул густую слюну на земляной пол.

Юрец пояснил,

– Да эти. Там этот мужик страшнее моего отчима. Урод хоть дерётся. А этого дядьку в подъезде встретил, смотрит так, как будто сожрёт живьём. Я ему– "здрате", а он – «Скажи своим, что бы звук уменьшили. Будут нарушать покой, выкину вас алкашей на х от сюда. Понял, червь?» – Я чуть не обосрался. Костян призадумался.

– Навалять ему надо. Но потом. Сейчас обходим стороной. А ты, Людка, наведи мосты с этой глазастой. Потом расскажешь. Давайте на остановку пойдём. Там с Водопойной чмыри придут, хоть подерёмся. И баб их покошмарим. Визжат прикольно.

Глава 5

Новая дружба

Томочка пошла в новую школу. В шестой класс. Учитель представила её ребятам.

– Знакомьтесь, в этом учебном году в наш класс пришла новая девочка. Тамара. Тамара, садись за парту. Начнём урок.

Томочка увидела девочку, которая жила в их новом доме в первом подъезде. Они сестрой ходили к ней, что бы подру-

житься, а она обозвала из глазастыми и захлопнула дверь. Томочка робко пошла между партами. Девочка похлопала по соседнему стулу и смешливо сказала,

– Садись со мной, глазастая . Меня кстати Люда зовут. Можно называть Бейба.

Класс засмеялся. Кто то из мальчишек ляпнул,

– Ну и глазища. Она инопланетянка!

Другой подхватил,

– Алиса Селезнёва! Гостья из будущего!

И в несколько голосов дети закричали,

– Алиса, где мой мелафон!!!!!

Учитель повысила голос.

– Класс, тихо! Проверяем знания, полученные в прошлом году. Диктант! За лето наверняка всё забыли.

После уроков Томочка с Людкой пошли домой. Людка шагала неторопливо и с любопытством разглядывала «новенькую».

– Ты извини, что я так с вами. Как зовут твою сестру? Вы двойняшки?

– Её Ира зовут. Нет, не двойняшки. Она младше. Ей 11 лет. Ещё есть брат Женька. Ему 1,5 года.– Ответила Томочка.

Люда поинтересовалась,

– А папа у тебя кто? Говорят он мент и злой очень.

Томочка воскликнула,

– Ты что?! Нет он не злой, он просто строгий. А так он хо-

роший. Нет, он не милиционер. Он в тюрьме работает, преступников перевоспитывает.

Людка засмеялась.

– Ого! Всё равно мент. Да и не перевоспитать никого. Я тебя буду звать Авария – дочь мента. Смотрела такое кино?

– Смотрела. Но не надо меня так звать. Просто Тома. Приходи ко мне в гости. Вечером. Как уроки переделаем.— Сказала Тамара.

– Приду. – Ответила Людка.

Людка пришла в седьмом часу вечера. Папа Томочки, Михаил Александрович, уже пришёл с работы и смотрел в зале телевизор. Томочка тихо провела Людку в свою комнату. Боялась, что папа будет ругать. Он не любил, когда друзей приводили домой. И всегда сурово говорил,

– Не чего таскать ни кого домой. На улице гуляйте. А дом не место для посиделок.

Люда была, как всегда, красиво и модно одета. В ушах яркие пластмассовые серьги. Ярко розовые. Короткая полурастёгнутая джинсовая рубашечка, одетая на розовую маечку. Джинсовая короткая юбка и розовые босоножки на каблучке. " Какая модная." – Подумала Томочка и посмотрела на подол своего платья в мелкую чёрно– белую клеточку. По подолу и на груди пришиты белые кружевные оборочки. Большинство девочек её возраста можно одевались и уже пользовались косметикой. Томочка же носила какие то детские платьица и краситься ей не разрешали. Маме Томочки

говорила коллега:

– Купите девочке ну не такую детскую одежду и ничего страшного, если красивые глазки свои чуть подкрасит. Девочки же сейчас друг перед другом выделываются. Дайте Тамаре тоже быть, как все.

Мама вздыхала и отвечала:

– Успеет ещё вырасти и стать взрослой и будет вырядаться. А пока она – ребёнок и пусть им и будет.

Конечно она не могла рассказать, что муж Миша был очень суров. И хоть по–теперешним меркам на службе получал хорошую зарплату, но тратить, как он говорил – «на не нужную дрянь» – запрещал. Всегда выдавал деньги небольшое количество и требовал:

– Иди в магазин. После напиши мне список, что купила, сколько стоит и какая вышла сумма и сколько сдачи. И не дай бог утаишь мелочь со сдачи.

Марине Александровне жилось не легко. Но она всегда думала – «Что делать? Трое детей. Надо тянуть. Я без Миши не проживу»

Новая подружка Люда Томе очень понравилась. Людка весь вечер без умолку болтала. Рассказывала про мальчишек из школы, кто ей нравится, с кем из девочек лучше дружить, а с кем надо быть осторожнее. Томе было интересно. Столько новой информации в её новой жизни на новом месте.

Потом Людка убежала маленьким вихрем домой, чмокнув Томочку в щёчку алыми накрашенными губами.

– Завтра увидимся, глазастик.

Глава 6

Михаил Александрович

Говорят, что дурной нрав – издержки определённых профессий. Нет. Дурной нрав – это распущенность души. Жестокость – это момент власти над более слабым. И чем больше имеешь маленькой власти над кем то, тем распущеннее душа.

Михаил Александрович – мужчина сорокалетнего возраста, телосложения не богатырского, а скорее ближе к щуплону. Брюнет. С резкими движениями, жестами, словами и глазами чуть на выкате серого цвета. Взгляд – очень цепкий и немного сумасшедший. Соседи в новом доме за спиной шептались:

– Смотрит, как Кашпировский.

Может быть Михаил Александрович просто имел склонность так смотреть на людей. Может быть это было веянье того времени и он подражал взгляду Кашпировского, взяв такую манеру смотреть для самоутверждения. Кашпировский был «целителем». Он вещал из телевизора свои целебные сеансы.

– Даю установку! Вы снова будите здоровы! Во время этого сеанса вы можете спать. Спать!

И смотрел с экрана телевизора на народонаселение, уставившись из подлобья пронизывающим взглядом своих серых глаз. Вся страна замирала у экранов во время этих сеансов, в надежде стать здоровыми. Телевидение показывало, как на этих сеансах «слепые» становились зрячими, «неходячие» бросали костыли и начинали ходить. Из зала на сцену рвались зрители, в надежде дотронутся до чудесного человека, обладающего даром исцеления. Время было смутное, в стране начали происходить изменения и люди готовы были поверить в любое «чудо».

На службе подчинённые и зеки прозвали Михаила Александровича Гитлером. За чрезмерную несдержанность и жестокость. Невысокий и на вид худосочный, с постоянно бледным лицом и злым взором стального цвета глаз, он всё равно не создавал впечатление мелкого и слабого человека. Сотрудники между собой ехидничали и хихикали.

– О, это надо видеть. Маленький, тощий, бледный. Глаза выпучит. Орёт, слюнями брызгает. Усы ещё отрастил. «Неправильные». Надо было вот такие.

И прикладывали два пальца под носом поперёк верхней губы, выпучивая глаза.

– Ну точно был бы вылитый Гитлер!

И ржали. Но так, что бы не дай бог Михаил не увидел и не услышал их за такими шутками. Никто не хотел связываться с буйным Михаилом Александровичем.

Как то он самолично лупил дубинкой провинившегося зе-

ка. Бил не разбирая, куда именно бить. Сотрудник конвоя сначала смотрел, потом кинулся его остановить.

– Мишаня, хватит, ты его покалечишь! Потом докладных сколько писать, не дай бог ещё прокуратуру натравят.

Но Михаил не дал остановить свою руку с занесённой дубинкой, и когда почувствовал, что ему препятствуют, резко повернулся и зарядил резиновой палкой по бедру сотрудника. Тот от боли присел. Михаил бросил дубинку и тяжело дыша произнёс,

– Не суйся под руку. Зашибу. А этого на больничку и пусть коновал напишет, что эта тварь свалилась с лестницы в свинарнике и его потоптали свиньи.

Так называемый Гитлер–Кашпировский резким шагом направился в свой кабинет и мысленно матюгался.

– Твари, всех бы этих зеков самолично расстрелял! Не зачем государству их кормить. А хотят, что бы перевоспитывали. Так я так перевоспитаю, что моя тень им будет мерещиться до самой смерти!

Зайдя в кабинет, он сел за служебный стол, закурил. Потом снял трубку телефона и сказал,

– Зуев! Заключённого Прохорова ко мне!

Михаил служил начальником отряда. В отряде было 100 человек, но он знал всех пофамильно и поименно и за что сидят. Прохоров ему стучал. Не за чай и сигареты. Михаил никогда не делал грева зекам. Не то, что некоторые сотрудники. Прохоров стучал, потому что боялся. Михаила боя-

лись все, кроме разве начальника колонии.

Рабочий день закончился в 17.00. Служебный автобус развозил сотрудников по домам. Михаил Александрович балагурил, по-этому в автобусе было шумно. Мужчина любил привлекать к себе внимание. Энергия из него «била ключом». Михаил стоял в автобусе рядом с Настей. Та жила в доме, в котором им дали квартиру. Была красивой и незамужней. Жена работала в ОТК, проверяла продукцию, производимую заключёнными. Настя была цензором. Проверяла письма, которые пишут и получают зеки. Михаил травил анекдоты. Все смеялись. Рядом с Настей сидела его жена. Мужчина взглядом сравнил её и Настю. Жена после четырех родов расплнела очень сильно. Первый ребёнок умер в младенчестве и сейчас у них было трое детей.

«Свиноматка, противно смотреть!» – думал Михаил. Он жену не любил никогда. Просто пришлось жениться, когда она забеременела первым ребёнком. Но в молодые годы она была стройной. Длинные ноги и огромные голубые глаза. Всем их детям достались мамкины глаза. Детей он любил, но не так, как любят другие отцы. А так, как любит хозяин свою собственность. «Маринка меня бесит одним своим видом. Вечно от неё пахнет дома жареным луком и вечно она кашляет, когда смотрит телевизор. Чахоточная идиотка.» – Михаил перевёл взгляд на Настю. « Вот это баба. Настоящая русская красавица. Замутить бы с ней. Да слухи пойдут. Репутацию портить нельзя. Да ещё партия спросит за связи

на стороне. Замполит затаскает.» Настя, с белокурыми локонами волос до плеч, с «кукольными» яркими голубыми глазами, с фарфоровой кожей, похожая на выточенную божественную статуэтку. Только живую и с очень дружелюбным характером. С Мариной они сдружились сразу. А вот Михаил ей был неприятен. Его вечно пошловатые шуточки, какое то самолюбование самим собой. Хотя ни красоты и ничего приятного для Насти в нём не было вообще.

Михаил продолжил балагурить. Начальник опер части вдруг заявил,

– Михаил Александрович, вы нарушаете режим поездки. Мы вас высадим! Василий тормози. Этот скалозуб задолбал.

Водитель нажал на тормоз. Оперативник заржал, как конь.

– Я пошутил. Мишку нельзя высадить. Иначе он быстрее автобуса добежит до дома. Мы не можем ему позволить нас опередить.

Смеялись все, кроме Михаила. Он мог шутить над другими. Над ним шутить было не позволительно. « Я эту шутку запомню, клоун.» – злорадно подумал Михаил.

Глава 7

Марина Феоктистовна

Страдание – удел слабых. Борьба – удел сильных. Но неко-

торые люди настолько слабы, что для них страдание – это норма. Ибо другой жизни они не знают.

Марина Феокистовна хлопотала на кухне. Надо было кормить супруга. Михаил Александрович возлежал в зале на диване перед телевизором и смотрел новостную программу. Марина забежала в зал и спросила,

– Миша, тебе борщ со сметаной или майонезом?

– Со сметаной.– Буркнул тот.

Марина побежала, принесла к дивану табурет, потом поспешила на кухню и подала на табурет перед Михаилом борщ. Только ему было позволено кушать в зале. Все остальные всегда ели на кухне.

Михаил принял сидячее положение и стал есть борщ, шумно прихлёбывая и смотря в телевизор. Поев, он сыто рыгнул и сказал,

– Слышь, Маринка. Слух идёт. Когда наш «хозяин» уйдёт со своего кресла, Виноградова поставят начальником колонии. Вот суки, я хочу занять это место, но они считают, что я слишком жесток. В 40 лет я могу идти на пенсию по выслуге. Ведь всё сделают, падлы, лишь бы на пенсию отправить!

Марина на это заметила:

– Ты лучше всех знаешь эту систему, ты бы навёл порядок. Лучше тебя начальника не может быть. Они завидуют твоему авторитету.

Михаил опять завалился на диван.

– Иди, принеси мне крепкого чая. С конфетами.

Жена поспешила на кухню. На подносе принесла чай с конфетами и поставила на табурет. Супруг опять заговорил.

– Была бы моя власть, я бы всё изменил. Поеду к Жириновскому. Потом займу его место. Половина населения расстреляю, потому что бесполезные куски говна. Половину заставлю работать по 12 часов в день без выходных.

Жена села в кресло и стала тоже смотреть новости. Время от времени она покашливала – «Кхе, кхе.» Муж посмотрел на неё убийственным взглядом и передразнил,

– Кхе ,кхе. Ещё пёрни при этом. Иди на кухню, там твоё место.

Марина поторопилась уйти. Михаил всегда был жёстким человеком. Но после переезда в квартиру, он стал совсем грубым и всячески жену унижал. С прогулки прибежали Томочка и Ирочка. Женька, сидевший на кухне на полу и игравший в свои игрушки, поковылял в прихожую, протягивая ручки к девочкам. Ира пробежала мимо в свою комнату. Томочка взяла Женьку за ручку и повела в к себе в комнату, решив с ним поиграть. Если Женька расплачется, папа очень рассердится. Он не терпел детских криков. Марина устало села на кухне на диван. Её радость – её дети. Особенно Ира. Она была конечно очень шустрой и вечно находила себе приключения. То ногу порежет в пруду, то наступит в горячий асфальт. Женька был долгожданным ребёнком. Марина родила его в 38 лет. Муж всегда хотел сына, а рожда-

лись одни девочки. Томка не так радовала мать. Она была с рождения очень болезненной. И после смерти первой дочери в возрасте 1,5 месяцев, после того, как родилась Тома, был постоянный страх – а вдруг и она умрёт. У первой дочери был рак крови. Смерть ребёнка нанесла глубокую травму материнскому сердцу. И Марина боялась это пережить снова. Томочка болела всё время, но слава богу, жила и подрастала. Скромная послушная девочка хорошо училась, её все вокруг любили и жалели. Марине вспомнилось, как покойная свекровь обожала Тому и как будто ненавидела Иру. И всё время говорила,

– Томка наша порода, а Ирка не наша. Нагулянная.

Хотя Марина никогда не изменяла мужу.

Однажды бабка Марфа даже оттаскала Ирочку за волосы, потому что та отобрала у Тома куклу и Тома плакала. Вспомнилось, как бабка Марфа умерла и у мужа после похорон отнялись ноги. Он долго лечился в госпитале. Миша очень любил мать, хотя она была очень жестокой женщиной. И видимо характер у Миши в мать пошёл. Когда повесился его отец – алкоголик, Миша так не переживал. Дед Матвей был очень добрым, хотя и запойным. Беззубым ещё с более молодых лет, отбив сколько то лет на каторге. Цинга. Марфа пыталась сжить его со свету. И толкла перегоревшие лампочки в мелкое стекло и добавляла деду в кашу. Дед ел, напивался и не помирал. Марфа злилась. Дед был помехой её романам с любовниками. Старая карга до старости таска-

лась с мужиками. Миша часто слушал наветы своей матери и оскорблял после этого Марину. И часто говорил,

– Я тебя с деревни взял, а то крутила бы там хвосты коровам, деревенщина.

Хотя он и сам то родился и провёл своё детство не в городе.

По– молодости Марина могла мужу ответить насмешливо :

– А сам то городской? Сами же в деревне жили. Потом только тут твоя старшая сестра и мать домик в городе построили в складчину.

Муж зыркал зло, но руку на Марину не поднимал.

Теперь же подобное непослушание и возражения со стороны Марины стали не позволительны. Муж мог вlepить оплеуху и ни за что. Просто потому, что не в духе.

После того, как получили квартиру, он стал Марину поколачивать. Марфа к тому времени уже умерла, но муж стал обращаться с женой ещё хуже. Бил, пока не видели дети и что бы не было синяков. И приговаривал:

– Я тебя каждый день бить буду. Для профилактики. Курица – не птица, баба – не человек.

«Хорошо, что этого не видят девочки.» – Думала Марина.

Глава 8

Светлые дни и тёмные дни

Наверное даже у монстров есть сердце. Но в этом сердце нет ничего. Темнота.

Наверное у всех матерей есть инстинкт самосохранения и инстинкт защиты своих детей. Возможно, не у всех матерей есть силы сохранять что то или кого то, кроме страха перед монстром.

У Томочки сегодня был радостный день. Папа маме велел купить самые простые джинсы им с сестрой. Выделил сколько то денег. Сказал,

– Сделаю девкам модные варёнки. Зеки всё умеют. У меня рецепт есть тайный от мазуриков.

Было классно. Они втроём : Тома, Ира и папа, стянули эти джинсы нитками хаотично в разных местах. Папа поставил огромную кастрюлю с водой на газовую плиту, положил туда джинсы, налил ещё что то и стал кипятить, тыкая в кастрюлю деревянной палкой. После кипячения, вынул штаны и скинул в детскую ванночку. Пахло странно и резко какой то химией. Эту ванночку папа снёс в ванную комнату и сунул джинсы под холодную воду, прополоскал, отжал и вынул нитки. И о чудо, джинсы стали с белыми разводами и прожилками. Как настоящие модные варёнки. Томочка радовалась—« У меня будет модная вещь и Людка, ох, удивится.»

Потом девочки долго щеголяли в таких супер штанишках. Спустя какое то время Тома из рваных папиных джинс сши-

ла себе юбку. Настолько классную, что все девчонки удивились. Чуть выше колена была юбочка и по подолу Тома сама молотком наколотила заклёпки. Правда они с изнаночной стороны цепляли колготки. Но зато было клёво. Ни у кого такой юбки не было. Тома вообще была рукодельная. Баба Марфа с 6 лет учила её вязать. Шить девочка стала сама. На старой ручной машинке и просто руками. Шила конечно, как получится. Но из перешитых маминых старых вещей, получались такие, каких не было ни у кого. Немного неаккуратные. Но подружки и не подружки этой неаккуратности не замечали и завистливо рассматривали Томочку.

Миша гордился рукодельной дочерью. И выделял деньги на то, что бы Марина покупала пряжу для вязания. Для дочки. Пряжу было купить трудно. Дефицит. Но где то мама её доставала. Спицы и крючки папа мастерил сам. То ли из толстой проволоки, то ли из каких то железных электродов. Когда дочь занялась макраме, Михаил вытачивал палочки, на которых можно было плести красивые панно из верёвок. Верёвки и бечёвки приносил целыми катушками со службы. Благо в рабочем цеху у зеков таких огромных катушек было в избытке.

Однажды наступило жуткое утро. Папа маму ударил головой об косяк двери. У мамы вылез огромный синяк под глазом. Мама плакала и замазывала синяк тональным кремом Балет. Ведь надо идти на работу. Тома и Ира были в ужа-

се. Не понимая, почему папа сделал такую страшную вещь. Женька, в силу возраста, не понимал ни чего . И пока мама перед зеркалом замазывала синяк, отец стоял над ней и говорил.

– Я буду бить тебя каждый день. Для профилактики. Потому что ты debilка. Если ты кому нибудь на работе скажешь, как получила фингал, я тебя пришибу. Скажешь, что закружилась голова и ударилась об косяк. Ты поняла, сука?

Мама, всхлипывая, отвечала,

– Миша, пожалуйста, не надо. Я никому не скажу.

Девочки плакали, Женька громко ревел. Отец заорал,

– Успокой мальчика и веди его в сад! Что ты харю свою мажешь, корова!

С того дня в доме всё изменилось. Папа маму бил. Она хватала Женьку на руки. Думала, что с ребёнком на руках он её не тронет. Но Михаила это не останавливало. Он зверел ещё больше. Ира убегала и пряталась под письменным столом. Тома старалась встать между отцом и мамой, но он дочку отшвыривал в сторону. Дома поселился ужас и безысходность. Томочка перестала спать ночами и со страхом ждала утра. И в её маленьком сердце поселилась ненависть ко всему, что происходит. И только Людке, своей лучшей подруге ,она могла рассказать, что в их доме живёт монстр. Папа вдруг стал этим монстром. Ирка была младше, тоже очень боялась отца и плакала. Но Томочка переживала глубже и однажды даже спрятала под подушкой нож и говорила маме,

– Я его убью. Просто убью.

Мама нож отняла и кричала,

– Ты рехнулась, маленькая бестия? Родного отца? Крыша поехала?

Тома стала плохо учиться, засыпала на уроках и боялась идти домой. Что то в ней сломалось и погасло. Мир перевернулся с ног на голову.

Глава 9

Ненависть в отдельно взятой семье

Вы знаете, что бывает с людьми за закрытыми дверями их жилищ? В каждой семье есть свои скелеты в шкафу. Но в некоторых целые кладбища этих скелетов. Наверняка по сплетням соседям, по шуму из определённой квартиры, вы кое что знаете, кое что слышите. Но вряд ли вас это заботит. Возможно и не должно. Милые бранятся – только тешатся. Но насколько там всё страшно? Т риллер – это не по телевизору. Он «идёт» не в кинотеатре, а в реальной жизни. Тут и сейчас. Присмотритесь! Прислушайтесь.

Вроде бы утро выдалось солнечное. Глубокая осень. Похолодало. Но солнце так ярко светило на безоблачном небе, что листья на деревьях сияли жёлто – красным пожаром в свете солнечного утра.

Марина любила осень и эту увядающую, но яркую красоту.

«Красиво. Надо Женьку в сад одеть потеплее». – Подумала женщина, посмотрев в окно и оценив погоду.

Михаил Александрович собирался на работу. Марина всю ночь спала плохо и кашляла. Муж в очередной раз придрался.

– Кхе, кхе. Чахоточная.

Марина ответила ,

– Миша, я не чахоточная. Мне в горле что то мешает глотать и дышать. Поэтому и кашляю. Мне надо к врачу.

– Жрать надо меньше просто. Просто разжирела, вот и болеешь.– Презрительно заявил ей муж.

У женщины выступили слёзы на глазах и она вышла в прихожую. Надо одевать Женьку и в сад вести и на работу. И, не зная последствий, произнесла,

–Тебе бы так. Что бы самому покашлять.

Мужа как подорвало.

– Ты, тварь, желаешь мне заболеть! Жирная, отвратительная потаскуха!

И ладонью со всего маха толкнул голову Марины об косяк двери ванной. Женщина от дикой боли обмякла и сползла на пол. Муж просто её перешагнул и пошёл в комнату. Взял из шкафа свой китель. Одел и стал спокойно застёгивать блестящие жёлтые пуговицы. Потом одел и застегнул португепю.

Произнёс,

– Я тебя ещё портупеей высеку. Что бы от пряжки звёзды на спине остались.

Он не чувствовал вины за то, что сделал. Какое то упоение. Царь, бог и палач в своём маленьком царстве. Хозяин чужой жизни.

Девочки проснулись и выбежали из комнат. Марина встала с пола и пошла, пошатываясь, к зеркалу. Замазывать синяк. Ей было очень стыдно идти в таком виде на работу. А идти надо. Она не видела выхода из создавшейся ситуации. «Он успокоится. Я буду молчать. Ничего страшного. Он просто понабрался грязи у этих зеков. Всё пройдёт. Мне не куда идти с тремя детьми. Господи, помоги!»

На работе Марина старалась никому не смотреть в глаза, поворачиваться той стороной лица, где не было синяка. Утром на КПП к ней подбежала Настя и схватила под руку. Прошли они вместе, показав свои пропуска. После Настя сказала,

– Что у тебя с лицом? Что это?!

Та, опустив глаза, ответила,

– Ой, Настя, я так упала сегодня. Я видимо заболела. Кашляю ночью, спать не могу. Пошла в ванну, голова закружилась и я упала. И прям вот лицом о косяк. Так теперь стыдно перед коллективом. Это ж надо, придти на работу с фингалом.

Настя с сомнением посмотрела на Марину, подумала – «Как странно. Прям так упасть об косяк, что бы под глазом

такой фонарь? Да у неё под тонаком видно, что уже на половину лица синева расплзается. Что то тут не так. Неужели Михаил чудит? Он ещё тот придурок.»

Во время рабочего дня на Марину косились все. В столовой особо пристально смотрел замполит Виноградов и что то сказал сидящему с ним за одним столом, начальнику оперативки Ухватову.

«Как бы не было у Миши неприятностей теперь. Он же тогда отыграется на мне со всей широты своей души» – Марина истерично хихикнула, про себя подумав – «Широта души. Это не про Мишу.» Встала из за стола и пошла в туалет, боясь заплакать на людях.

Глава 10

Невропатолог.

Как известно, благими намерениями выстелена дорога в ад. А иногда намерения имеют подоплёку и не совсем благие. А у некоторых ад уже тут и сейчас.

Что было бы ,если бы люди замечали происходящее вокруг? А не то ,что им удобно видеть.

Томочка не спала ночами уже неделю. Она и так то была очень худенькой, а теперь таяла на глазах. Её бледное личико приобрело синеватый оттенок. Губы и так не яркие, стали

безжизненного цвета. Маленькие тонкие ладони с длинными «музыкальными» пальцами стали похожи на цыплячьи лапки.

Дома происходил какой то кошмар. Ирка тоже переживала и боялась, но просто старалась проводить больше времени, гуляя во дворе. И утром быстро—быстро собиралась в школу и убегала. Томочка же, вялая и измождённая, еле собиралась и еле шла.

В это утро папа видимо был не в настроении бить маму. Одно утро без страшного события. Марина посмотрела на Тому — «Надо свести к врачу. С девчонкой какие то проблемы.»

— Я попрошу отгул на работе, завтра ходим к доктору. Ты очень бледная, почти не ешь.—Сказала она дочери.

Марина привела Томочку к доктору.

«Невропатолог» было указано на двери кабинета. Доктор, мужчина среднего возраста, в белом колпаке и белом халате, внимательно посмотрел на маму и девочку.

— Что у вас случилось?

Марина сказала,

— Да вот, дочь у меня часто плачет, совсем почти не ест, стала плохо учиться. Что то с нервами у неё наверное. Может успокоительное какое выпишите?

Доктор обратился к девочке.

— Скажи, девочка с удивительными глазами, как ты себя чувствуешь? Что беспокоит?

Томочка подняла на доктора свои бездонные очи и тихо сказала,

– Я устала, я не сплю совсем.

– А чего ж ты не спишь?

Девочка прошептала ,

– Боюсь.

Врач попросил девочку следить глазами за движением его пальца, постучал маленьким молоточком по локтям и коленям. Попросил вытянуть руки вперёд.

Ладони девочки дрожали.

Врач обратился к Марине.

– Я невропатолог. Если у вашей дочери будут такие проблемы со сном и страхом, то вам нужно будет к детскому психиатру её сводить. А пока выпишу успокоительные таблетки. Спать будет, а потом посмотрите, изменится ли её самочувствие.

Томочке стали давать таблетки. Успокоительные. От них она засыпала. Но засыпала так, что не могла проснуться. Надо было ходить в школу. Утром мать поднимала её, сажала на кровати и тормошила.

– В школу, Тома, в школу!

Томочка вставала и как сомнамбула, шла в школу с полужакрытыми глазами. Хорошо что они ходили вместе с Людой. И та её держала под руку. На уроках Тома клала голову на парту и спала. Учителя ругались, тормошили, но девочка

спала. На уроке русского языка и литературы классный руководитель Екатерина Семёновна потрясла девочку за плечо.

– Это что такое? Ты зачем в школу ходишь? Учиться или спать?

Томочка подняла голову с парты и заплакала. Молча, беззвучно слёзы катились из её полуоткрытых глаз. Она даже не всхлипывала. От этой картины учителю стало жутко. Девочка выглядела истощённой.

«Как из Бухенвальда.» – Подумала Екатерина Семёновна.

– Да что случилось? В чём дело? Тамара, что произошло?

Соседка по парте Людочка тихо сказала,

– Тома, можно я скажу?

Тома, не переставая плакать, просто кивнула. Учитель отвела Люду в сторонку. Класс замер, все наблюдали за происходящим. Никто не шумел. Было любопытно, что случилось. Учитель внимательно смотрела на Люду.

– Ну, слушаю.

Девочка выпалила,

– У Томки папа бьёт маму. Очень сильно.

Екатерина Семёновна очень удивилась.

– Как же так? Приличная семья. Там папа военный, офицер.

Люда ответила,

– Я не знаю. Но всё очень плохо. Томка не спала ночами. Боялась. Мама её свела к какому то врачу. Ей дают таблетки и от них она совсем сама не своя стала. Я её в школу вожу

под руку. А она идёт и спит.

– Я тебя поняла, Люда. Отведи Тамару домой. Я вас отпускаю. И возьми с собой Свету Погодину. Вдвоём отведёте. Мало ли что. А вечером я пойду домой к Тамаре и поговорю с её родителями.

Екатерина Семёновна позвонила в дверь квартиры Томочки. Дверь открыла Марина Феокистовна. Она была в фартуке, в руке кухонное полотенце. На лице – плотный слой тонального крема. Но даже сквозь него проступали синяки всех цветов радуги.

Екатерина Семёновна внимательно посмотрела на Мари-ну Феокистовну.

«Видимо тут всё плохо. Странная семья» – Подумала педагог.

– Ой, Екатерина Семёновна. Как неожиданно! Проходите, проходите! Миша, к нам классный руководитель Томочки пришла.

В зале педагог села в кресло. Родители Тамары на диван.

– Что случилось, Томка плохо учится? – Спросил Михаил Александрович.

Учитель ответила,

– Нет, Тамара очень умная девочка. Да, с учёбой стало сложно, ведь девочка спит на уроках. Её подружки полуспящую в школу водят под руки. А если бы она шла одна и упала бы так и так и уснула на дороге? Что с девочкой? Я, как педа-

гог, обязана поинтересоваться. Вы какие таблетки ей даёте?

У Михаила на скулах заиграли желваки. Учитель сказала, — Я не знаю, что в вашей семье творится. Но если девочка и дальше будет в таком состоянии, я найду способ доложить на работу вашему руководству. Михаил Александрович, вы же партийный? Советская семья должна быть образцом. Тем более ваша. Как партия посмотрит на то, что ребёнок в вашей семье доведён до истощения?

Михаил резко вскочил.

— Слушайте, Вы! Я разберусь! Поговорили? Теперь прочь из моего дома, училка!

Екатерина Семёновна не ожидала такого хамства, но сохраняя лицо, спокойно встала из кресла и пошла к двери. Марина побежала следом.

— Извините моего мужа.

Педагог ответила,

— До свидания. Подумайте о ребёнке. О всех своих детях. Моя задача учить вашу дочь. Но как она может учиться в таком состоянии. Выкиньте те таблетки.

Екатерина Семёновна — педагог со стажем. Уже немолодая женщина, полноватая, с внимательным взглядом карих глаз и сильным характером— всегда ответственно относилась к своей работе. И к детям. И за свои педагогические годы видела разных детей и разные семьи. И выпивающих родителей. И буйных отцов. И детей — хулиганов. Но легко разбиралась во всех ситуациях. Подобного, как сегодня она не виде-

ла никогда. Сам воздух в этой семье был как будто тяжёлым и «смордным». Атмосфера, наполненная страданиями этой девочки и родительской отстранённостью. А отец... Михаил Александрович... Екатерина Семёновна была атеисткой. Но ей на мгновение померещилось, что этот отец семейства – даже не человек. Перед ней сидел сам дьявол. Черное, как облитое смолой существо. С красными огненными глазами. Конечно такого не может быть. Но учитель подумала — «Настоящее зло в облике человека... Безвольная мать. Несчастные дети».

Женщина поёжилась.

Её супруг выпивал. Но она представить не могла, что бы её жизнь была такой, как в этой семье. Не могла представить себя битой, а своего сына сломленным.

Она не то, что осудила этих людей. Она испугалась того, что ощутила в той квартире. Страх и безнадёжность. Казалось бы, битых мужьями женщин не одна и не две. И такое встречается. Но почему то в семье Томочки оказалось всё гораздо сложнее.

Глава 11

Замполит и покушение

Есть люди-хищники. Только охота и борьба дают им острые ощущения. У них звериный оскал, повадки гиен и они

могут сожрать кого угодно. Конечно не физически, но морально. Но и на таких людей изредка надо найти способ воздействия, если знать как .

Виноградов сидел в своём кабинете задумавшись. Как замполит, он должен был Михаила Александровича пригласить на беседу. Корчагин Михаил – человек сложный . С ним работать тяжело. Но от него есть польза в плане того, что в отряде железная дисциплина. Правда пару дней назад случилось происшествие. Корчагину стукнули, что в определённом месте через забор будет вброс. И тот, не сообщив эту информацию в оперчасть, пошёл сам пресекать это действие. Действительно, вброс был. В резиновых грелках из за стены перебросили спиртное. Пока один зек подбирал, другой напал со спины на Михаила. «Вот угораздило же геройствовать дурака.» – Подумал Виноградов. Ну каково было удивление в оперчасти, когда Корчагин притащил к ним на себе этих двоих. Зеки были без сознания и сильно поколоченные. Как этот щупленький злой человечек смог скрутить двух нехилых нападавших никто не знал. Но знали, что Михаил Александрович способен на разные поступки и тем, кто с ним связывался грозила не то что кара, а жестокая месть.

Виноградов поднял трубку телефона.

– Вызовите ко мне капитана Корчагина. Срочно!

Корчагин вошёл в кабинет быстрым шагом, не постучав в дверь. Он вообще был всегда каким то быстрым и резким.

– Олегович, вызывал?

– Присаживайся, Михаил Александрович. Разговор с глазу на глаз. Наверху «сам» не в курсе и надеюсь не будет.

Виноградов показал указательным пальце в верх, жестом указывая, что речь идёт о высшем начальстве.

– Так ,вопрос такой. Что происходит у тебя в семье? Марина Феокистовна смотрю ходит на работу с замазанными фингалами. Спрашивал, говорит, то упала, то ударилась. Не часто ли она у тебя падает, Мишаня?

Лицо Михаила налилось кровью, глаза стали колючими .

– Слышь, Рома, я сам разберусь в своей семье. Не твоё дело

– Нет, это не твоё личное дело! Это дело государства и партии. Ты партбилет хочешь на стол положить? Ты офицер! Сотрудник данного учреждения. Ты проводишь работу с осужденными, но дома видимо занимаешься рукоприкладством. Ты должен быть примером. Ты советский гражданин, семья – ячейка общества. Не смей порочить звание советского офицера и члена партии КПСС! Не поймёшь, что я тебе говорю, вылетишь из партии и погоны снимешь! Я доходчиво объяснил? Иди работай!

Виноградов даже стукнул гневно ладонью по столу.

Михаил резко встал и ушёл, так хлопнув дверью, что со стены упала полочка с цветочным горшком.

– Полоумный! – Крикнул Виноградов.

Корчагин выбежал от замполита, хлопнув дверью.

Пошёл в свой кабинет, достал из сейфа бутылку водки. Михаил выпивал редко. Но после беседы с Виноградовым, его переполняла дикая злость. Достал гранёный стакан, дунул в него, выдувая накопившуюся пыль. Налил полстакана водки и выпил залпом.

Занюхал едкое жжение алкоголя рукавом кителя. Сел в кресло, положил ногу на ногу и задумался, дёргая ступнёй в начищенном ботинке. Ботинки ему всегда чистила жена. До блеска.

Посидев пару минут, Михаил взял трубку телефона.

– Осужденного Копосова ко мне!

Вчера пришёл этап, зеков раскидали по отрядам. Копосов попал в отряд Корчагина. Статья за драку и угон жигулей. 22 года этому персонажу.

Дверь открылась, конвойный завёл заключённого в кабинет. Тот был ростом под 2 метра, имел шрам на лице во всю щёку.

« Молодой, а матёрый уже.» – Подумал Корчагин. Зек громко рапортовал,

– Осужденный Копосов Владимир Павлович.

Михаил смотрел, буравя взглядом и даже не моргая.

– Осужденный Копосов. Вы поняли куда попали? Запомните, в моём отряде железная дисциплина. Никаких наркотиков, спиртного, карт и прочего. Так же в моём отряде не носят никаких маек и футболок из дома. Только казённая

одежда. За любое нарушение грядёт наказание. И наказывать буду самолично . Как понял, плесень?

Копосов ощерился волчьей улыбкой

– Понял, понял. Ты ж Гитлер, наслышан. Боятся тебя говорят.

Голос Копосова был самоуверен и спокоен.

– Молчать! – Крикнул Корчагин.– Я тебе дам Гитлер! – Подошёл вплотную к Копосову, уставился глаза в глаза. Заключённый глаз не отвёл и продолжал ухмыляться. Корчагин был гораздо ниже ростом. Вдруг он резко ударил осуждённого в живот, тот от боли согнулся. Корчагин повернулся и подошёл к зарешеченному окну и встал спиной к Копосову. Это была фатальная ошибка. К осужденным нельзя поворачиваться спиной. Но Михаил настолько был уверен в своём внушаемом всем страхе и собственном превосходстве, что и не сомневался – ничего не произойдёт. Копосов резко рванул к столу, схватил трубку телефона, перепрыгнул стол и намотал телефонный провод на шею Корчагина. Тот успел запихать под провод большие пальцы рук, пытаясь оттянуть и протиснуть под него ладонь, стараясь не дать себя задушить. Резко оттолкнулся от стены ногой и упал с Копосовым спиной на стол. Со стола они рухнули на пол. Копосов старался не отпустить жертву. Михаил несколько раз ударил локтем в туловище заключённого. Хватка немного ослабла и капитан смог вырваться. Хрипя, поднялся, схватил стул и стал дубасить им Копосова. Стул разлетелся в щепки, Копо-

сов потерял сознание.

– Ну и денёк. Хух! – Крикнул Корчагин. Встряхнулся и мотнул головой. Как хищник одержавший победу.

Нажал кнопку под столом. Вбежал конвой. У них от удивленного вытянулись лица.

– Унесите это дерьмо. И в карцер его на 3 дня. Без света, воды. И что бы не спал. Пусть стоит и не вздумает лечь. Я ему статью добавлю за нападение на сотрудника. Тварь.

Потирая покрасневшую шею, одёрнул китель, сел за свой стол и стал поправлять на нем раскиданные бумаги, ручки и карандаши.

– Непорядок, всё должно быть на своих местах.— В слух сказал Корчагин.

Он относился немного маниакально к определённому порядку вещей. И испытывал крайнее раздражение, если что то находилось не на своём месте.

Так же дома на мебельной стенке в зале, на полочке его расчёска должна лежать справа. Слева должен обязательно лежать томик рассказов Антона Павловича Чехова. Квадратные механические часы на маленьких ножках— обязательно между расчёской и томиком Чехова. И не сантиметром правее или левее. Если жена вытирала пыль и ставила и клала эти предметы не так ровно , «как положено», то Михаил учинял скандал с оскорблениями и угрозами.

Глава 12

Затишье

После бури всегда наступает затишье. Более спокойные времена. Но в той реальности, где живут мои персонажи, атмосфера остаётся душной, тяжёлой. И не известно, когда случится новый ураган порочных человеческих страстей. Может завтра, может через годы, может никогда.

Михаил Александрович после визита классного руководителя Тамары и беседы с замполитом перестал колотить жену. Временами унижал, оскорблял, но не бил. Жизнь потихоньку налаживалась. Марина Феокистовна, как и прежде, пыталась угождать мужу. Их дети жили обычной детской жизнью. Томочка пришла в себя и повеселела.

Прошло несколько лет. Томочке должно было завтра исполниться 18 лет. Она подросла, чуть поправилась. Но всё равно оставалась маленькой, хрупкой и белокожей. К ней никогда «не прилипал» загар и даже в самое солнечное время года девушка оставалась бледной. С приходом весны её нос и щёки начинали покрывать веснушки.

Закончились экзамены и «отгремел» выпускной. Томочка пошла к бывшей однокласснице и они стали печь торт. Вика умела печь красивые торты. Десерт получился удивительный: с розами и цифрами 18 из крема. Томочка пригласила на завтра праздновать друзей. Вику, Люду, Кристину

и двух мальчиков. Максима и Валеру. Мальчишки перевелись к ним в 10 классе из восьмилетней школы. Время изменилось и школьная реформа изменилась тоже. 9 класс как то проскочили и попали сразу в десятый. По итогу, как будто закончили 11 классов. Валера тоже был сыном военного, но не сотрудника колонии, а из воинской части. Их семья всё время переезжала и однажды эту семью откомандировали в местную воинскую часть. Носил Валера самую обычную фамилию Васильев. Но выглядел, как человек не русской национальности. Смуглый, чернобровый, черноглазый. Такая экзотическая внешность. Максим выглядел как обычный парень, но очень симпатично. Серые глаза всегда «смеялись». А с лица парнишки почти никогда не сходила весёлая улыбка. Томочке вспомнилось, как в классе десятом в школу забежал брат Валеры. Про него ходили слухи, что он необыкновенный красавец—мужчина. Ему было наверное лет 19 тогда. Он носил кожаную куртку косуху, чёрные очки. Чёрные кудри. Свои кудри он наверное чем то укладывал, потому что на лоб спадали несколько как будто мокрых завитушек модной причёски. Перемена. Все галдели в классе. Заглянул брат Валеры, приподняв очки.

– Брательник, здорова. У вас в школе дискач не намечается? Я бы пришёл. У вас девчонки тут огонь.

Его чёрные глаза остановились на Томочке. Она сидела за первой партой. Парень подошёл подпрыгивающей походкой

– О, какая девочка. Как тебя зовут? У тебя глаза, как у

девочки из сказки. Никогда не видел таких красивых глаз.

И вдруг нагнулся и поцеловал Томочку в губы.

– Когда ты подрастёшь, я на тебе женюсь. Обязательно!

Поняла?

Девчонки в классе удивлённо зашептались.

Парень махнул рукой,

– Всем пока!– И мигом испарился.

Томочка сидела в недоумении. На неё никогда мальчики не обращали внимания, а тут необычный красавец подошёл. Девчонки подбежали к Томе и стали галдеть.

– Видели, он её поцеловал!

– Томка, блин, ты счастливааая. Он ни к кому раньше так не подходил.

– Ой, девочки, а вдруг он потом и правда на ней женится?!

Как в кино.

18 лет отмечали дома, в комнате Тома. Дверь закрыли, придвинув кресло. Что бы маленький братик не бегал и не мешал. Ему было четыре с половиной года и мальчишке нравилось носиться из комнаты в комнату. Мама приготовила для праздника салаты. Был ещё красивый торт, изготовленный Викой. Родители не сидели за столом

«Ну и хорошо» – Думала Тома,– «А то папа начал бы говорить, как надо быть благодарной, что он меня одевает, обувает и что ему надо в пояс кланяться за это.»

Девочки подарили Томе косметику.

Мальчики преподнесли цветы. Может конечно они их на-

драли на какой то клумбе, но всё равно было приятно. День Рождение проходило без спиртного. Пили сок. Людка возмутилась,

– Что за детский праздник?! Я сейчас вино принесу. У бати знаю, где припрятано.

– Люда, отец нас выгонит, если увидит. И день рождение испортится.– Испугалась Томочка

Людка махнула рукой.

– Не увидит. Мы опять закроемся и выпьем. Тихо.

И убежала.

Счастливым день.... Томочка смеялась вместе со всеми, вспоминали смешные моменты со школы. Пили вино. И все кричали,

– Томочка, с Днём Рождения! Ураааа!

После окончания школы кто то уехал учиться, кто то остался в городе. Людка училась на парикмахера. Валера пошёл по стопам отца, поступив в военную академию. Максим уехал в другой город. Вика поступила в универ. Томочку не отпустили в медицинский институт. Отец сказал,

– Не поедешь! А то негра в подоле от туда привезёшь!

Тома не понимала, почему отец так говорит и так думает о ней. Она мечтала стать врачом. Лечить людей. И вот опять ей запрещены мечты и их воплощение в жизнь.

Девочка поступила в местный филиал медицинского училища на вечернее отделение, а днём работала в больнице санитаркой. Ей очень нравилось ухаживать за больными

людьми, поговорить с ними, поддержать, как то облегчить их боль своим участием. Жизнь шла своим чередом.

Глава 13

Дубина

Некоторые люди попадают на жизненном пути по странным закономерностям. Жизнь сталкивает людей лбами, создавая критичные ситуации. Баланс между добром и злом нарушается. Всё смешивается в один кипящий котёл.

Томочка пробежалась по палатам, вынесла утки и судна у лежачих больных, заменила на чистые. В обед покормила тяжёлых больных. Начался тихий час. Она пошла помыла лестницу и пролёты между этажами. Потом начала убираться по палатам. В одной из палат на заправленной койке лежал молодой мужчина. На вид лет 25. Всего пациентов было четверо в помещении. Тамара помыла раковину, протёрла подоконник, тумбочки и взялась за мытьё пола. Мужчина её окликнул,

– Сестричка, а ты от куда такая сказочная? Глаза какие красивые. Коса до пояса. Удивительная девушка. Как Снегурочка из сказки.

Тома строго ответила,

– Работаю я тут. Больной, уберите тапочки, сейчас я у вас под кроватью протру.

Мужчина продолжил говорить.

– Ты стеснительная? Посмотри на меня. Не вежливо, когда человек разговаривает с тобой, не смотреть ему в лицо.

Томочка отвлеклась от своего занятия и взглянула на говорившего с ней.

«Глаза как у моего папы» – подумала девушка. У мужчины и правда были глаза цвета стали. Взгляд очень внимательным и цепким.

– Меня Вадим зовут. А тебя как?

Вадим улыбался.

– Тамара, – ответила девушка.

– Простите, мне некогда, мне работать надо.

К шести вечера Тома переделась, повесила рабочую одежду в шкафчик и поспешила в соседний корпус на занятия. Выйдя из отделения, она увидела на площадке лестницы Вадима. Он как будто ждал её.

– Лапочка, ты отработала? Можно проводить домой?

– Я не домой, – ответила девушка.

– А куда? – Уточнил Вадим.

– На учёбу в соседний корпус. Я на медсестру учусь.

Мужчина шёл рядом с ней, дойдя с ней до поликлиники сказал,

– Во сколько занятия закончатся? Я провожу домой. Вре-

мя позднее будет. Я буду твоим телохранителем.

– В 8 вечера, – ответила Тома.

На лекциях она не могла сосредоточиться. В её сознании вдруг возникла картинка.

Зима. Вечер. И она идёт во дворе своего дома к соседнему подъезду. Людка обещала выйти погулять. Томочке 15 лет. Во дворе непроглядная темень, идёт снег, лёгкий морозец. И только свет из окон чуть разбавляет эту темноту. Перед Томочкой не понятно откуда возникает мужчина.

– Привет, ты в этом доме живёшь?

– Да.– Отвечает девочка, немного шарахнувшись в сторону от неожиданности.

– А Михаил Александрович Корчагин тут проживает?– спрашивает этот человек из сумрака.

– Да. Он дома. Он мой папа. Вам нужно его видеть?– говорит Томочка.

– Да ладно. Поздновато уже. Завтра с ним на службе обсудим, – улыбнулся мужчина и ушёл.

Из подъезда вышла Людка и Томочка совсем забыла за беседами с подругой об этом странном человеке. И папе тоже совсем забыла рассказать.

Два дня в неделю Томочка ходила в театральный кружок. Ей очень нравились уроки актёрского мастерства. Занятия начинались в шесть вечера и заканчивались в восемь. И потом она шла домой вечером через заросший старый парк до-мой.

И после очередного такого занятия в кружке, идя домой по плохо освещённому парку, она услышала за спиной.

– Привет!

Томочка обернулась. Перед ней стоял тот сумрачный человек. Щёлкнул большой выкидной нож.

– Только пикни , прирежу.

И насильник потащил девочку в кусты.

Томочка в свои 15 лет не была глупой девочкой. Но наивная девочка не интересовалась вообще многими теми вещами, которые интересовали её сверстников. Конечно, она кое что знала об отношениях мужчины и женщины. Но никогда в это не вникала.

После содеянного, мужчина сказал.

– Я провожу тебя до освещённого места и пойдёшь домой. Никому ничего не скажешь. Найду, убью.

– За что?– всхлипнув спросила девочка.

– За твоего папашу Гитлера. Я у него в отряде сидел. Я хотел ему отомстить. Теперь я с гордостью могу сказать, что поимел дочку Гитлера.– Ухмыльнулся мужчина.

Когда Тамара пришла домой, они ничего ни кому не сказала. Да и родители даже и не заметили, что с их дочерью что то не то. Девочка закрылась в ванной. Сначала плакала. Потом набрала целую ванну воды и легла в неё. Погрузилась под воду целиком вместе с головой и лежала столько времени, сколько могла не дышать. Она как будто видела себя со стороны. Вот её худенькое голое тельце лежит в этой ванной,

наполненной водой. И Томочка начинает растворяться в этой воде, подобно акварельным краскам. Размывается разводами бежевой краски. Голубые глаза тоже превратились в пятна краски и разводы. И вот пропадает она постепенно вся. Растворилась бесследно и её нет.. Совсем нет. Она не думала о суициде. Она просто исчезла сама для себя. Девочка не задумывалась о последствиях насилия. О венерических болезнях или беременности. Ей это и в голову не пришло. И с ней этого не случилось. Последствий не было. А её, ещё совершенно детское сознание, отторгло это отвратительное событие, произошедшие с ней. Она просто забыла, как будто этого с ней не было.

Томочка шла домой. Вадим увязался за ней.

– Я с вами никуда не пойду!– выпалила девочка.

Вадим заметил испуг на лице Томочки.

– Ты что, солнышко?! Я не маньяк какой то. Я тебя не обижу. Ну вечер же. Как ты пойдёшь одна. Я должен тебя оберегать!

– Были бы вы маньяком, то вряд ли бы в этом признались.– строго сказала девушка.

Вадим шёл рядом. Постоянно разговаривал. Тамара больше молчала, она не знала, что говорить. Не дойдя до дома, она остановилась.

– Дальше не провожайте. Папа увидит из окна, допрос мне учинит. Не надо, что бы он знал, что вы меня провожали.

– А кто у нас папа?– спросил Вадим.

– Папа у нас работник системы наказания и перевоспитания преступников.

– Ого, почётная профессия. – Сказал спутник Тома.

– А тебе сколько лет ,девочка?

– 18 —ответила Тома.

Вадим остановился, взял руку девушки и поцеловал. Как принц целует руку принцессе.

–Тогда до завтра, Снегурочка. Увидимся.

Томочка пошла дальше. Оглянулась. Вадим стоял и смотрел ей в след, улыбаясь.

Дубина проводил до дома девушку, с которой познакомился сегодня в палате.

Девочка была какая то не земная. Хрупкое существо, с необыкновенными глазами. Но вот в чём «соль», папа оказывается у девочки зоновский ментяра. И что делать? Связываться с ментовской семьёй ему не хотелось. И так полгода как вышел на свободу по УДО.

"Надо узнать, что за мент. А девочка правда сказочная. Я таких люблю нетронутых"– решил Вадим.

Дубина был Дубиной, потому что Вадим Дубинин. Погнало к нему прилипло ещё, когда он чалился на малолетке. Дубина—молодой человек высокого роста. Спортивного телосложения. Имел красивую мордашу и умел интеллигентно и хитро разговаривать с людьми. Особенно с бабами. Дуби-

на – мужчина 30 лет, даже однажды был женат и у него был сын пяти лет. После развода жена увезла ребёнка с собой. У Дубины не было ни одной наколки. Он считал, что стоит сохранить внешность такую, которая не подразумевала бы его тюремного прошлого. Опрятный вид и подвешенный язык позволяли легко входить в доверие к нужным людям.

Вадим спрашивал там и сям и в конце концов добыл нужную информацию. Тамара – дочь так называемого Гитлера.

«Вот так попадос» – подумал Дубина – «Про этого упыря легенды ходят. Этот мент – ходячий ужас для всех зеков. Говорят, не дай бог ему попасться. Сожрёт и не подавится.»

Томочка как обычно пришла на работу, пошла убираться по палатам. Вчерашний её знакомый лежал лицом к стене. Видимо спал. Томочка помыла полы и побежала делать другие дела. Во время раздачи обеда, Вадим сделал вид, что не замечает девушку. Томочка даже расстроилась, подумала — "Надо же, какой странный. Вчера без умолку болтал. А сегодня как будто нет меня."

Дубина решил подумать и пока не затевать с Томой никаких разговоров. Когда девушка пришла делать уборку, он сделал вид, что спит.

«Других девок полно, зачем мне эта проблема и сталкиваться с Гитлером в случае чего. Хотя надо обдумать. Можно

придумать многоходовочку. Что бы и не сесть, если Гитлер возьмётся за меня и девчонку закадрить."

Наверное с неделю Вадим и Тома не общались и даже не здоровались. Однажды Томочка побежала на учёбу после работы. Встретила девочку Риту, которая училась с ней тоже на медсестру, но работала в другом отделении больницы.

Их догнал Вадим.

– Привет, девчонки. Томочка, я после учёбы провожу тебя домой?

– Вы со мной снова разговариваете? Немота прошла? — спросила Томочка.

Рита смотрела на них с любопытством. Очень симпатичный высокий парень привлёк её внимание.

– А в выходные на машине может покатаемся? – Спросил Вадим.

– Я не катаюсь с малознакомыми парнями, – ответила Томочка.

Рита вмешалась в разговор, мотнув шевелюрой тёмных волос и качнув золотыми кольцами–серьгами в ушах.

– Меня покатайте. Я с таким малознакомым и красивым поеду.

Вадим окинул девочку циничным взглядом. "Надо взять на заметку эту цыпочку, эта согласна на всё", а в слух сказал,

– Куколка, я к Томочке обращаюсь, мне она интересна и мила.

Вечером после учёбы Вадим пошёл провожать Тому. Остановились у соседнего дома.

– Я помню, дальше не ходить. Папа увидит, заругает.

Взял Томочкину руку в свою и поцеловал её ладошку. Потом резко обнял и чмокнул в щёку.

Тома стыдливо зарумянилась.

Вадим заговорил,

– Извиняюсь за то, что вёл себя не достойно последние дни. Впредь я таким не буду. И давай больше мне не выкай. Хочу спросить, кем ты хочешь что бы я для тебя был? Товарищем или другом?

Томочка не поняла вопроса, но ответила.

– Другом.

– Ну вот и славно.– Улыбнулся Вадим.

Глава 14

И снова собираются тучи

Что бы с детьми не случилось непредвиденных ситуаций, с ними надо разговаривать. Знать с кем они общаются. Матери же должны готовить дочерей ко взрослой жизни и учить не ошибаться в выборе мужчин. Хотя, как может научить мать, семейная жизнь которой ошибка.

О Вадиме Томочка рассказала своей лучшей подруге Людке. Та высказала своё мнение.

– Тома, ну по моему странный мужик. У тебя есть Марат и Никита, вот с ними и дружи. А этот, по рассказам твоим, какой то очень взрослый.

С Маратом и Никитой Томочка познакомилась тоже в больнице, когда только стала учиться и устроилась на работу в отделение.

Марат был очень болен. Серьёзное хроническое заболевание. Несколько раз он лежал даже в реанимации на грани жизни и смерти. Парень небольшого роста, худощавый и с волосами «сумасшедшего» рыжего цвета. И фамилия у него была «говорящая» – Огоньков. Несмотря на свою болезнь, очень активный и позитивный человек. Он ходил по больничным коридором громко топая в своих тапках, которые были на три размера больше и постоянно шутил.

– Я старый и больной мужчина. Мне поможет банка варенья и коробка печенья.—Изображал Марат голос Карлсона.

Получалось очень похоже и смешно.

– Ну давайте, давайте будем творить безобразие!

Шуток в арсенале Марата было множество и соседи по палате покатывались со смеху.

Никита приходил почти каждый день навещать друга. Парень спортивного телосложения, занимался в секции бокса, ходил в качалку и кроме того играл на скрипке. Томочка очень с ребятами подружилась. Они много вместе смеялись

и иногда гуляли. Никита, приходя навещать Марата, часто ловил Томочку на лестнице, подхватывал, поднимал на одной руке и смеялся.

– Томочка, ты как пушинка. Мне для тяжёлой атлетики таких как ты 15 штук надо.

Никита Томочке очень нравился, но не так как Вадим. В Вадиме было что то такое не понятно завлекательное.

Вадим, даже когда выписался из больницы, всё равно провозжал Томочку домой. Целовал её ладошку и рассказывал много интересных вещей. Девушка бывала у него дома, он ей давал читать интересные книги. Томочка очень любила читать. Вадим её познакомил с книгами Даниэля Карнеги. У молодого человека было много познавательных журналов. Книги по криминалистике. Томочка с Вадимом смотрели фильмы на видеоманитофоне. У него было много видеокассет. Смеялись до слёз, смотря комедии. Девушки было с этим человеком очень интересно.

Дубина, как мог развлекал Томочку. Показывал фильмы, давал читать книги. Они часто танцевали под разную музыку и дурачились. Он целовал Томочку в щёчку, не позволяя себе большего.

Дубина придумал коварный план. Влюбить в себя эту необычную девочку, стараясь не иметь для себя последствий. Тем самым нанести вред Гитлеру, даже если тот и не узнает об этом.

Вадим проводил девочку домой, всё по той же схеме – не

довести до дома, поцеловать ладошку, в щёчку, обнять.

Томочка впорхнула домой. Отец сегодня оставался на службе в усилении. Марина Феокистовна вышла в прихожую

– Что то долго ты шла домой. Тебя видели на центральной площади с каким то мужиком. Кто это? Сказали, он взрослый.

– Это мой друг, – сказала Тома.

– Сколько ему лет и как зовут?

– Мамоchка, он такой хороший. Наверное лет 25. Зовут Вадим Дубинин.

Мать подозрительно промолчала.

Марина Феокистовна ждала дочь с нетерпением. Ей сказали, что видели Тому с каким то взрослым мужиком. Придя домой, Тамара ответила на вопросы матери.

"Вадим Дубинин, 25 лет. Надо Мише сказать, пусть наведёт справки, нет ли за этим парнем чего подозрительного.»

– Решила Марина.

Михаил пришёл с работы на утро. Пришлось сутки быть в усилении. В стране появились случаи бунта заключённых и даже захвата заложников. Утром они с женой столкнулись у КПП. Марина рассказала о странном друге дочери. Михаил заволновался. Он работник уголовной системы и надо быть начеку. Вдруг дочери угрожает опасность. Мало ли, что может случиться.

Томочка опять провела вечер с Вадимом. В прихожей её встретил отец. Лицо его было перекошено злобой. Он схватил Томочку за воротник курточки и стал трясти.

– Ты соображаешь, с кем ты связалась! Твой Вадим – зек по кличке Дубина. Он сидел сначала на малолетке за драку. А потом на зоне 2 срока за совращение малолетних. Ты идиотка? Ему 30 лет. Он взрослый мужик.

Тома не понимала, что происходит. Вадим уголовник?!

Тома не знала, что ей делать и она лягнула.

– Да знаю я, знаю. Чего орать то? Он мой парень.

– Парень? Я тебе дам сейчас парня.

Отец потащил Тому за шкварник, зашвырнул в её комнату, потом принёс портупю и стал лупить девочку по спине со всего маху. Марина Александровна стояла в дверях и смотрела на происходящее. Потом произнесла,

– Это семейный позор. Дочь капитана Корчагина связалась с зеком!

Муж повернулся к Марине.

– Молчать! Глупая курица! Это твоя вина. Ты так воспитала. Потаскуху. Мало того, что больных детей нарожала, тварь. Так ещё и воспитать не смогла.

Томочка терпела побои молча. Только слёзы катились из глаз рекой. Ей не то было страшно, что Вадим бывший сиделец. А то, что отец поступил с ней как животное. Что дома её никто не понимает.

Михаил выгреб из шкафа все Томины вещи, оставил

несколько кофточек, пару брюк, 2 юбочки и нижнее бельё.

Сказал,

– Шмотьё под замок. Одеваешь только это. Из дома не выходишь кроме, как на работу и на учёбу. После бегом домой. Я буду встречать тебя с Мэгги.

Мэгги – их собака породы дог, купленная Ире на ваучер. Очень большая собака. Серого мраморного окраса. Мэгги была очень злой и понимала и боялась только Михаила. Он её со щенка воспитывал битьём, когда та гадила дома. Собака пряталась в углу комнаты за столом, как только Михаил Александрович приходил с работы. Гулять с ней ходил только он, надевая Мэгги строгий ошейник с шипами. Только с хозяином она ходила рядом. И больше никто с ней справиться не мог. А если Михаил срывал злость на собаке, то это мощное животное, забиваясь в угол, писалось от страха и громко выло.

Родителям Тома наверняка было сложно воспринять то, что их девочка ошиблась в человеке. В каком то непорядочном мужике ошиблась.

Конечно, Тамара это не осознавала. Девушка думала —«Что я сделала? Я преступник? Я чудовище? Вадим чудовище? Но он мне ничего не сделал плохого. Он со мной разговаривает. Как с человеком. Если Вадим плохой, почему мама не поговорила со мной, как говорят с детьми другие мамы? Почему я всё время одна, как белая ворона? Меня ненавидят в моей семье. Да они даже друг друга ненавидят»

Глава 15

Димасик

Тома ходила только на работу и учёбу. Больше никуда выходить из дома было нельзя. Отец каждый вечер х встречал девочку с их очень злой собакой.

В выходной родители уехали на дачу, взяв с собой Женьку. Ира убежала гулять. Томе было запрещено выходить. Раздался телефонный звонок. Девушка взяла трубку. Там сначала было молчание. После её “Алло”, раздался голос.

– Снегурочка, это Вадим. Прости, что пропал. Дела были.

Тома удивилась,

– А от куда ты узнал номер телефона?

– Из телефонной книги конечно. Там есть все фамилии и номера людей, имеющих домашний телефон. Когда мы увидимся?

– Вадим, меня заперли дома. Отец узнал про тебя, что ты сидел в тюрьме. Дома был ужасный скандал.

Вадим замолчал, потом спросил.

– Он тебя бил?

Томочка замялась.

– Ну не много. Но видеться мы больше не сможем.

– Ты знаешь мой адрес, приходи сама, как дома всё устаканится. Чтонибудь придумаем. У меня кстати племянник жи-

вёт. Ему 17 лет. Потом можем придумать, что это он твой парень и он будет тебя провожать. Домой приведёшь его, пусть видят, что у тебя обычный парень, твой ровесник практически. Его кстати Дима зовут, если что.

Прошло 2 месяца. Дома стала спокойней обстановка. Томочка сидела на больничном. Бронхит. В очередной раз, поехав на приём к врачу, она решила после отправиться к Вадиму. А дома сказать, что в поликлинике была большая очередь.

Томочка позвонила в дверь квартиры Вадима. Дверь открыл молоденький парень. Такой милый и симпатичный. С очень короткой стрижкой, кареглазый. Девушка спросила,

– Дима? А Вадим дома?

– Проходи.– Ответил парень.

Дима проводил девушку взглядом.

« Красивая. Правда тощая и маленькая. Но глаза, как блюдца. И эти длинные волосы, как у русалки. Сказочная какая то девочка.»

Волосы Томочки были распущены и струились по плечам и спине. Очень длинные, ниже талии. Одета она была в ажурный белый свитер, связанный своими руками. И клетчатую юбку макси. Сверху было распахнутое длинное пальто голубого цвета. Под цвет голубых огромных глаз. На ногах – укороченные сапожки черного цвета на невысоком каблучке. Ножки девушки были маленькие. 35 размер ей был вели-

коват, а 34 маловат. Поэтому обувь ей всегда покупали в детском мире, в подростковом отделе. И то с трудом подбирали.

Вадим сидел на кухне и читал газету. Увидев Тамару, он встал, обнял её и прижал к себе.

– Моя девочка, моя Снегурочка. Как я рад тебя видеть!

Дима стоял в дверях кухни и наблюдал, как Дубина гладит своей ладонью волосы сказочной девочки.

– Я не на долго. Иначе меня хватятся дома. Мне надо вернуться. Я в больницу ходила к врачу, потом быстро сюда.

– Так, давай тогда домой. Димас, посади Томочку на автобус. Томочка, скажи ему свой адрес. Вечером Димас придёт к вам домой и твои увидят, что есть обычный мальчик. Он потом будет за тобой приходить и так же провожать домой.

Дима с Томочкой шли на автобусную остановку.

– Давно ты встречаешься с Вадимом? – спросил мальчик.

– Не очень давно. Ты его племянник на самом деле? – сказала девушка.

– Нет. Я сын его друга. Они вместе сидели. Отец с матерью в разводе, но живут в одной квартире. Дома постоянные разборки между родителями. Я чаще живу у Вадима, чем дома.

– Ответил Дима.

Помолчав, продолжил.

– Зря ты с ним связалась. Он не хороший человек. Я пацан, мне не куда деваться. Вадим учит меня, как обдуривать людей и заработать ни дня не работая. А тебе не надо в этом вариться. Он тебя сломает и выкинет.

Томочка ничего не ответила.

Дима пришёл часов в 7 вечера. Дверь открыла Марина Феоктистовна.

– А Тамара дома?– Спросил парень.

Женщина его внимательно оглядела.

– Томка! К тебе мальчик какой то пришёл.

Томочка вышла из комнаты, схватила Диму за руку и повела в свою комнату.

Там громко сказала,

– Димасик ,как хорошо что ты пришёл. Я скучала.

Девушка догадывалась, что мать подслушивает под дверью.

С тех пор Тамара больше не виделась с Вадимом. Дима приходил каждый вечер. Родители успокоились. Отец даже как то позвал парня помочь передвинуть шкаф.

В один из вечеров Тamarочка полезла в антресоли достать пряжу. Хотела за болталками с Димой начать вязать что то новое. Табурет покачнулся и девочка стала падать. Дмитрий её подхватил на руки, не давая упасть. И так они и замерли вдвоём, смотря друг другу в глаза. Томочка сама поцеловала Диму.

Парень спросил,

– Мы теперь на самом деле вместе?

– Да.– Ответила девочка.

Они много гуляли, обнявшись. У Димы друзья интересо-

вались, кто эта необычная девочка с длинными волосами?

А он гордо отвечал.

– Это моя девушка.

В последствии оказалось, что она была вообще его первой девушкой. С ним никто не встречался. Потому что его семья жила очень бедно и ему даже не чего было толком одеть. У мальчика было две футболки, двое штанов, одни кроссовки на все сезоны года и старая куртка, рукава которой ему были уже коротковаты. С Томочкой они потом всё таки расстались. Влияние Вадима сделало своё дело и в 19 лет парень сел в тюрьму за мошенничество. Отсидев свой срок, он пошёл учиться, получил высшее образование и устроился на хорошую работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.